

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

БК

Жюль Верн

ПУТЕШЕСТВИЕ
И ПРИКЛЮЧЕНИЯ
КАПИТАНА ГАТТЕРАСА

НАЙДЕНЬШ
С ПОГИБШЕЙ
«ЦИНТИИ»

ИЗДАНИЕ

Мир приключений. Большие книги

Жюль Верн

**Путешествие и приключения
капитана Гаттераса. Найденыш
с погибшей «Цинтии»**

«Азбука»

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Верн Ж. Г.

Путешествие и приключения капитана Гаттераса. Найденыш с погибшей «Цинтии» / Ж. Г. Верн — «Азбука», — (Мир приключений. Большие книги)

ISBN 978-5-389-32648-4

Жюль Верн, один из самых популярных французских авторов, является создателем жанра научно-фантастического романа. По количеству переизданий немногие опережают этого удивительного писателя. Сегодня трудно найти человека, который не читал бы книги «Дети капитана Гранта», «Таинственный остров» или «Пятнадцатилетний капитан». В настоящее издание вошли два великолепных романа Жюль Верна о путешествиях на Северный полюс: «Путешествие и приключения капитана Гаттераса» и «Наденыш с погибшей „Цинтии“» (написанный Жюлем Верном в соавторстве с Андре Лори). Невероятные приключения на суровых просторах Северных морей оживают благодаря рисункам пяти замечательных художников: Николая Кочергина, Георгия Фитинго-фа, Петра Луганского, Венцеслава Черны и Вацлава Чутты.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-32648-4

© Верн Ж. Г.
© Азбука

Содержание

Жюль Верн	8
Часть первая	8
Глава первая	8
Глава вторая	12
Глава третья	14
Глава четвертая	18
Глава пятая	24
Глава шестая	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Жюль Верн, Андре Лори Путешествие и приключения капитана Гаттераса. Найденыш с погибшей «Цинтии»

Jules Verne
VOYAGES ET AVENTURES DU CAPITAINE HATTERAS

Jules Verne, André Laurie
L'ÉRAVE DU CYNTHIA

Иллюстрации

Николая Кочергина, Петра Луганского, Георгия Фитингофа, Венцеслава Черны, Вацлава Чутты

© Б. Н. Бирукова (наследник), перевод, 2026
© Г. П. Фитингоф (наследник), иллюстрации, 2026
© Н. М. Кочергин (наследник), иллюстрации, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

* * *

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Жюль Верн
ПУТЕШЕСТВИЕ
И ПРИКЛЮЧЕНИЯ
КАПИТАНА ГАТТЕРАСА

Жюль Верн и Андре Лори
НАЙДЕНЫШ
С ПОГИБШЕЙ
«ЦИНТИИ»

Санкт-Петербург

Жюль Верн

Путешествие и приключения капитана Гаттераса

Перевод Е. Бируковой

Часть первая

Англичане на Северном полюсе

Глава первая

«Форвард»

«Завтра, с отливом, бриг „Форвард“, под командой капитана К. З., при помощнике капитана Ричарде Шандоне, отойдет из Новых доков Принца по неизвестному назначению».

Вот что можно было прочесть в газете «Ливерпуль Геральд» от 5 апреля 1860 года.

Отплытие простого брига не составляет важного события для самого крупного торгового порта в Англии. Кто приметит этот корабль среди множества судов всех размеров и национальностей, которые едва вмещаются в громадных доках, простирающихся на две мили в длину?

Однако 6 апреля с самого утра изрядная толпа теснилась на набережной Новых доков; казалось, там собралась чуть ли не вся многолюдная корпорация ливерпульских моряков. Грузчики окрестных верфей побросали свою работу, коммерсанты – свои мрачные конторы, купцы – свои опустевшие магазины. Разноцветные омнибусы¹, курсирующие вдоль доков, ежеминутно высаживали на набережную все новые партии любопытных; казалось, весь город был охвачен одним желанием: присутствовать при отплытии брига «Форвард».

«Форвард» представлял собою винтовой бриг в сто семьдесят регистровых тонн, с машиной в сто двадцать лошадиных сил. По внешнему виду он мало чем отличался от других стоявших в порту бригов. Но если он не представлял ничего необычного в глазах простой публики, то знатоки замечали в нем некоторые особенности, относительно которых моряк никогда не ошибется.

На борту «Наутилуса», стоявшего невдалеке на якоре, несколько человек матросов перебрасывались словами, делая самые разнообразные догадки о назначении брига.

– На что бы ему такие мачты? – спрашивал один из матросов. – Где это видано, чтобы паровое судно несло так много парусов?

– Должно быть, – ответил широколицый краснощекий боцман, – этот бриг больше надеется на ветер, чем на свою машину, и если его верхние паруса так велики, то это потому, что нижним придется частенько бездействовать. Я уверен, что «Форвард» отправляется в северные или южные полярные моря, а там ледяные горы зачастую задерживают ветер, и тогда плохо приходится судну.

– Ваша правда, мистер Корнгиль, – подхватил третий матрос. – А заметили вы совершенно отвесный форштевень?²

---

¹ Омнибус – многоступенчатая карета, запряженная лошадьми. Вышедший из употребления вид городского транспорта.

² Форштевень – деревянная или стальная балка в носу корабля, на которой закреплена наружная обшивка носовой оконечности корпуса и которая в нижней части переходит в киль.

– К тому же, – прибавил Корнгиль, – форштевень снабжен острой как бритва стальной наделкой, которая может разрезать надвое трехпалубный корабль, если «Форвард» на полном ходу налетит на него.

– Без всякого сомнения, – подтвердил плававший по реке Мерсей лоцман, – ведь при помощи винта бриг преисправно отмахивает по четырнадцать миль в час. А как он поднимался против течения во время пробного плавания – просто загляденье! Поверьте мне, это судно – отменный ходок.

– Да и под парусами бриг не ударит в грязь лицом, – продолжал Корнгиль, – он хорошо ходит против ветра и отлично слушается руля. Я буду не я, если бриг не махнет в полярные моря! И еще одна особенность! Приметили вы, как широк у него гелмпорт³, в который проходит головка руля?

– Что правда, то правда, – согласились собеседники Корнгилья. – Но что же все это означает?

– А то, голубчики мои, – с презрительным самодовольством бросил Корнгиль, – что у вас и глаз во лбу нет, да и смекалки не хватает. Это означает, что рулю хотели дать побольше простора, чтобы его легко можно было снять и снова поставить на место. А среди льдов, сами знаете, это случается частенько.

– Правильно! – воскликнули хором матросы «Наутилуса».

– Да и сам груз брига, – прибавил один из них, – говорит за то, что мистер Корнгиль прав. Я узнал от Клифтона, который очертя голову нанялся на бриг, что «Форвард» берет на пять или на шесть лет продовольствия и огромный запас угля. Уголь, съестные припасы – вот весь его груз, да еще шерстяная одежда и тюленьи шкуры.

– Ну, значит, – сказал Корнгиль, – тут и сомневаться нечего. Но раз уж ты, молодчик, знаешь Клифтона, то не говорил ли он тебе, куда отправляется судно?

– Ничего не сказал, потому что и сам того не знает. Так завербован и весь экипаж. Куда идет судно – узнает каждый, когда прибудут на место.

– Узнают, как же! К черту в зубы – вот куда! – заметил какой-то скептик.

– Но зато какое жалованье, – продолжал, воодушевляясь, приятель Клифтона, – какое славное жалованье! В пять раз больше обыкновенного! Да если бы не такая плата, Ричард Шандон не завербовал бы ни одной души. И то сказать, какое-то чудное судно, идет бог весть куда и как будто не очень-то собирается вернуться назад! Нет, я ни за что бы не согласился!

– Согласился бы ты или нет, дружище, – возразил Корнгиль, – тебя все равно не взяли бы на «Форвард».

– Это почему?

– Да потому, что ты не отвечаешь поставленным условиям. Мне говорили, что женатые не принимаются на бриг, а ведь ты уже среди них. Поэтому тебе нечего задирать нос, он и без того у тебя курносый.

Все расхохотались, даже матрос, получивший щелчок.

– Да и самое название брига что-то уж больно смелое, – продолжал Корнгиль. – «Форвард» – «Вперед»! Но до каких же это пор вперед? И в довершение всего никто не знает, кто его капитан.

– Как не знать – знают, – сказал молодой, наивный на вид матросик.

– Что ты сказал? Его знают?

– Да, знают.

– Слушай, молодчик, – сказал Корнгиль, – уж не считаешь ли ты Шандона капитаном брига?

---

³ Гелмпорт – отверстие в наружной обшивке кормы судна для пропуска сквозь него баллера (оси) руля к рулевому приводу.

– Но... – начал было матросик.

– Так знай же, что Шандон – помощник капитана, и ничего больше. Это бравый и смелый моряк, китобой, он хорошо себя зарекомендовал, парень надежный и во всех отношениях достойный командовать судном. Но как бы то ни было, он не командует бригам; он такой же капитан, как ты или я, не в обиду мне будь сказано. Что же касается человека, который после Бога должен быть первым на корабле, то о нем ничего не известно даже самому Шандону. В свое время настоящий капитан должен явиться, только неизвестно, когда это произойдет и на каком побережье – в Новом или Старом Свете. Ричард Шандон не говорил, да и не имеет права говорить, куда направит бриг.

– Уверю вас, мистер Корнгиль, – возразил молодой матрос, – что кое-кто уже объявлен капитаном на бриге, о нем говорится в письме, которое получил Шандон и в котором ему предлагалась должность помощника капитана.

– Как так! – воскликнул Корнгиль, хмуря брови. – Ты будешь меня уверять, будто на бриге имеется капитан?

– Так оно и есть, мистер Корнгиль.

– Кому ты это говоришь? Мне?

– Ну да, потому что так сказал мне тамошний боцман Джонсон.

– Мистер Джонсон?

– Ну да, он сам мне это сказал.

– Сам Джонсон?

– И не только сказал, но даже показал мне капитана.

– Показал капитана? – переспросил ошеломленный Корнгиль.

– Да, показал!

– И ты его видел?

– Собственными глазами.

– Кто же это такой?

– Собака.

– Собака?..

– Собака о четырех ногах?

– Да!

Велико было изумление матросов «Наутилуса». При других обстоятельствах они просто бы расхохотались. Собака – капитан брига в сто семьдесят тонн! Просто умора! Но «Форвард» был такой чудной корабль, что прежде, чем смеяться или что-нибудь отрицать, следовало хорошенько поразмыслить. Даже Корнгилью было не до смеха.

– И Джонсон показал тебе этого диковинного капитана-собаку? – обратился он к матросу. – И ты его видел?

– Как вижу вас, не в обиду вам будь сказано.

– Ну, что вы скажете? – спросили матросы Корнгилья.

– Ничего не скажу, – резко ответил он, – решительно ничего, разве только, что «Форвардом» командует или сам сатана, или сумасшедшие, которых следовало бы засадить в Бедлам.

Матросы молча смотрели на бриг, где уже заканчивались приготовления к отплытию; никому из них и в голову не приходило, что боцман Джонсон мог подшутить над молодым матросом.

Молва о собаке облетела уже весь город, и в толпе любопытных многие отыскивали глазами собаку-капитана, едва ли не считая ее каким-то сверхъестественным существом.

Впрочем, уже давно «Форвард» обращал на себя всеобщее внимание: его необычная конструкция, таинственность предприятия, отсутствие капитана, самый способ, каким Ричарду Шандону было предложено наблюдать за постройкой брига; тщательный подбор экипажа; неиз-

вестное назначение корабля, о котором лишь немногие догадывались, – все это окружало бриг атмосферой тайны.

Ничто так не волнует мечтателя, поэта, а в особенности философа, как отплывающее судно. Мысль летит за кораблем, представляя себе его во время борьбы с волнами и ветром, во время его отважных странствий, которые далеко не всегда заканчиваются возвращением в порт. Подвернись тут какое-нибудь необычное обстоятельство, и корабль предстанет в фантастическом образе даже перед людьми с очень ленивым воображением.

Так было и с «Форвардом». Конечно, большинство зрителей не могли делать авторитетных замечаний, подобно Корнгилю, но каждый высказал свое мнение, и за три месяца распространилось немало всяких слухов; в городе только и было толков что о «Форварде».

Бриг был заложен на верфи в Бёркенхеде, предместье Ливерпуля, находящемся на левом берегу реки Мерсей; Бёркенхед связывали с портом беспрестанно сновавшие взад и вперед паровые катера.

Верфи «Скотт и К^о» – одни из лучших судостроительных фирм в Англии – получили от Шандона смету и подробный проект, где с величайшей точностью были указаны водоизмещение, размеры и приложены тщательно выполненные чертежи судна. Все говорило о проницательности и опытности разработавшего проект инженера. Шандон располагал значительными средствами; работы начались немедленно и по требованию неизвестного судовладельца выполнялись быстро.

Конструкция брига давала полную гарантию его прочности; очевидно, он должен был выдерживать громадное давление, потому что его корпус, сделанный из индийского дуба, отличающегося чрезвычайной твердостью, был связан железными креплениями. Некоторые моряки задавали вопрос: почему корпус корабля, снабженный такими креплениями, не был сделан целиком из железа, как у многих паровых судов? На это получался один и тот же ответ: у таинственного инженера имелись на то свои особые основания.

Мало-помалу бриг принимал на верфи определенную форму; его прочность и плавные обводы восхищали знатоков. Как это заметили матросы «Наутилуса», форштевень брига, составлявший прямой угол с килем⁴, был снабжен не волнорезом, а стальной наделкой, отлитой в мастерских Хоторна в Ньюкасле. Форштевень придавал бригу необычный вид, хотя у него не было ничего общего с военными судами. Все же у него на шканцах⁵ стояла шестнадцатифунтовая пушка; укрепленная на вертикальной оси, она легко поворачивалась во все стороны. Впрочем, несмотря на пушку и форштевень, вид у брига был далеко не воинственный.

5 февраля 1860 года странный корабль был благополучно спущен на воду при огромном стечении зрителей.

Но если бриг не был ни военным, ни торговым судном, ни увеселительной яхтой, – ибо никто не совершает прогулок с запасом продовольствия на шесть лет, – то что же это был за корабль?

Быть может, он отправлялся на поиски сэра Джона Франклина и его кораблей «Эребуса» и «Террора»? Но ведь в предыдущем, 1859 году лейтенант Мак-Клинтон вернулся из плавания в полярные моря, представив неопровержимые доказательства гибели этой злополучной экспедиции.

Быть может, «Форвард» собирался сделать новую попытку открыть пресловутый Северо-Западный проход? Но капитан Мак-Клур открыл его еще в 1853 году, а его лейтенанту Кресуэлу выпала честь первым обогнуть Американский материк от Берингова до Девисова пролива.

---

⁴ *Киль* – подводная часть судна.

⁵ *Шканцы* – часть верхней палубы между средней и задней мачтами.

Однако для людей компетентных было очевидно, что «Форвард» готовится к плаванию в полярные моря. Уж не направляется ли он к Южному полюсу, намереваясь пройти дальше китобоя Уэделя и капитана Джемса Росса? Но зачем, с какой целью?

Хотя можно было о многом догадаться по конструкции брига, – каких только не строили предположений!

На другой день после спуска брига на воду машина была доставлена из мастерских Хоторна, находившихся в Ньюкасле.

Машина эта, в сто двадцать лошадиных сил, с качающимися цилиндрами, занимала немного места. Мощность ее была весьма значительна для судна в сто семьдесят тонн, несшего много парусов и весьма быстроходного.

Бриг блестяще выдержал испытания, и боцман Джонсон по этому поводу нашел нужным сказать приятелю Клифтона:

– Когда «Форвард» одновременно идет под парусами и под паром, то под парусами он идет быстрее.

Приятель Клифтона, по правде сказать, не слишком-то понял смысл этой сентенции, но ему казалось, что всего можно ожидать от корабля, которым командует собака.

После установки машины стали грузить продовольствие; это заняло немало времени, ибо корабль запасался припасами на целых шесть лет. Продовольствие состояло из соленого и вяленого мяса, копченой рыбы, сухарей и муки; погрузили мешки с кофе и ящики с чаем, и в трюме выросли настоящие горы. Ричард Шандон тщательно следил за погрузкой этого драгоценного товара. Все было размещено, снабжено ярлыками и занумеровано в строжайшем порядке; погрузили также в большом количестве так называемый пеммикан, компактный продукт, изобретенный индейцами, содержащий очень много питательных веществ.

Самый подбор съестных припасов доказывал, что плавание будет продолжительным. При виде бочонков с лимонным соком, пакетов с горчицей, известковых препаратов, щавельного семени и ложечной травы, словом, сильных противочинготных средств, столь необходимых при плавании в южных и северных полярных морях, человек смысленный сразу же догадывался, что «Форвард» отправляется в области вечного льда. Без сомнения, Шандону наказали обратить особенное внимание на эту статью груза, так как он позаботился о нем не меньше, чем об аптеке.

Если на бриге было немного оружия, – что успокаивало людей робкого десятка, – то его пороховой погреб был переполнен, а это не обещало ничего хорошего. Единственная, стоявшая на полубаке пушка не могла претендовать на такое количество пороха, – следовательно, и тут было над чем призадуматься. На бриге находились также огромные пилы, различного рода мощные механизмы, рычаги, свинцовые кувалды, ручные пилы, большие топоры и т. д., а также множество цилиндров со взрывчатым веществом, которого хватило бы, чтобы взорвать Ливерпульскую таможню. Все это было очень странно, если не страшно. Само собой разумеется, корабль был снабжен ракетами, сигнальными аппаратами и фонарями.

Зрители, толпившиеся на набережных доков, любовались также длинным вельботом из красного дерева, пирогой из жести, обтянутой гуттаперчей, и надувными лодками: это были резиновые мешки, которые легко можно было надуть и превратить в байдарки. В этот день толпою владело особенное любопытство и волнение, ибо с началом отлива «Форвард» должен был отправиться в свой неведомый рейс.

Глава вторая

Неожиданное письмо

Вот текст письма, полученного Ричардом Шандоном восемь месяцев тому назад:

«Абердин, 2 августа 1859 года.»

Ричарду Шандону.

Ливерпуль.

Милостивый государь!

Настоящим письмом уведомляю Вас о передаче шестнадцати тысяч фунтов в банкирскую контору „Маркуарт и К^о“ в Ливерпуле. Прилагаемые при сем и подписанные мною ордера позволяют Вам располагать кредитом в указанном банке всего на сумму в шестнадцать тысяч фунтов.

Вы меня не знаете. Это не важно. Но я Вас знаю. А это главное.

Предлагаю Вам место помощника капитана на бриге „Форвард“, которому предстоит, быть может, продолжительное и опасное плавание.

Если Вы откажетесь, то все отпадает. Если же согласитесь, то будете ежегодно получать пятьсот фунтов стерлингов, а по истечении каждого года в течение всей кампании размер Вашего оклада будет увеличиваться на одну десятую.

Бриг „Форвард“ еще не существует. Он должен быть построен под Вашим наблюдением с таким расчетом, чтобы не позже чем в первых числах апреля 1860 года мог выйти в море. При сем прилагается подробный проект и смета. Вы должны будете строго их придерживаться. Бриг будет построен на верфи гг. Скотт и К^о, с которыми Вы и войдете в соглашение.

В особенности обращаю Ваше внимание на экипаж „Форварда“; он будет состоять из меня – капитана, вас – помощника капитана, второго помощника, боцмана, двух механиков, ледового лоцмана, восьми матросов и двух кочегаров, всего – из восемнадцати человек, в том числе и доктора Клоубонни, который явится к Вам в свое время.

Желательно, чтобы лица, отправляющиеся на бриге „Форвард“, были англичане, люди независимые, бессемейные, неженатые, выносливые и готовые ко всему, к тому же воздержанные, ибо употребление крепких напитков, даже пива, не будет допускаться на бриге. Вы преимущественно будете выбирать людей сангвинического темперамента, обладающих большим запасом жизненной энергии.

Вы предложите им плату, в пять раз превышающую обычную; по истечении каждого служебного года она будет увеличиваться на одну десятую. По окончании плавания каждому из матросов будет выдано по пятьсот, а вам – две тысячи фунтов стерлингов. Необходимые для этого суммы будут внесены в банк вышеупомянутых гг. Маркуарт и К^о.

Поход будет продолжительным и трудным, но он принесет Вам славу. Итак, Вам нечего колебаться, мистер Шандон!

Отвечайте по адресу: Гётеборг (Швеция), до востребования К. З.

Р. S. 15 февраля текущего месяца Вы получите большого датского дога, с отвислыми губами, темно-бурого, с поперечными черными полосами. Вы примете его на борт и распорядитесь кормить ячменным хлебом и наваром из брикетов говяжьего сала. О прибытии собаки потрудитесь уведомить в Ливорно (Италия) вышеуказанного адресата К. З.

Капитан „Форварда“ явится в надлежащее время. В момент отплытия Вы получите новые инструкции.

Капитан брига „Форвард“ К. З.»

Глава третья

Доктор Клоубонни

Ричард Шандон был заправский моряк; в течение долгих лет он командовал китобойными судами в арктических морях и во всем Ланкастере пользовался солидной репутацией. Подобное письмо, разумеется, удивило Шандона, но как человек, выдавший виды, он подошел к вопросу трезво и хладнокровно.

Шандон удовлетворял всем поставленным условиям: у него не было ни жены, ни детей, ни родственников, он был вольной птицей. Советоваться ему было не с кем, и он сразу же направился в банк «Маркуарт и К^о».

«Если денежки налицо, – размышлял он, – остальное устроится само собой».

В банке его приняли с почтительностью, какую заслуживает человек, которого ожидают в кассе шестнадцать тысяч фунтов. Выяснив вопрос о деньгах, Шандон потребовал лист бумаги и размашистым почерком моряка написал по указанному адресу письмо, в котором выразил свое согласие.

В тот же день он вошел в соглашение с бёркенхедскими судостроителями; спустя сутки киль брига «Форвард» уже лежал на стапеле⁶ верфи.

Ричард Шандон был человек лет сорока, сильный, энергичный и смелый; эти три качества необходимы каждому моряку и придают ему самоуверенность, мужество и хладнокровие. Его считали человеком завистливым и неуживчивым; матросы скорее боялись, чем любили его. Но такая слава не могла помешать Шандону успешно вербовать экипаж, так как всем было известно, что он умел выпутаться из любых трудностей.

Шандон опасался одного – как бы таинственная сторона предприятия не отпугнула моряков.

«Лучше всего, – сказал он себе, – держать язык за зубами. Всегда найдутся морские волки, которые захотят знать всю подноготную, зачем, мол, да почему; но так как я и сам толком ничего не знаю, то нелегко будет им отвечать. Этот „К. З.“ наверняка какой-нибудь чудак; но в конце концов он меня знает и рассчитывает на мою опытность, а этого достаточно. Что касается корабля, то мы отделаем его на славу, и не будь я Ричард Шандон, если бриг не отправится в полярные моря. Однако все это останется в тайне между мной и моими помощниками».

Затем Шандон занялся вербовкой экипажа, придерживаясь требований капитана относительно семейного положения матросов и состояния их здоровья.

Он знал одного славного молодца, весьма надежного и опытного моряка по имени Джемс Уолл. Уоллу было лет под тридцать, и он уже не раз побывал в северных морях. Шандон предложил ему место второго помощника. Джемс Уолл ни минуты не колебался, потому что страстно любил свое ремесло и желал только одного – поскорее отправиться в море. Шандон рассказал ему, а также некоему Джонсону, нанятому на бриг боцманом, все, что знал сам.

– Что ж, попытаем счастья, – сказал Уолл, – не все ли равно, куда плыть? Если даже речь идет о Северо-Западном проходе... ну что ж, возвращались люди и оттуда!

– Не всегда, – возразил Джонсон. – Из этого, впрочем, не следует, что туда нельзя идти.

– Можно смело сказать, – начал опять Шандон, – что это плавание предпринимается в благоприятных условиях. «Форвард» – отличное судно и с помощью своей машины может уйти далеко. Восемнадцать человек экипажа – больше нам и не надо.

– Восемнадцать человек! – сказал Джонсон. – Как раз столько было на корабле американца Кейна, когда он отправился в свое знаменитое плавание к Северному полюсу.

---

⁶ Стапель – основание, на котором строят судно.

– А все-таки странно, – продолжал Уолл, – что находится еще желающий пройти из Девисова пролива в Берингов. Экспедиции, посланные на поиски адмирала Франклина, обошлись Англии больше семисот шестидесяти тысяч фунтов, а между тем не дали никаких практических результатов. Черт возьми, интересно знать, кто это решается рискнуть своим состоянием для такой затеи?

– Имейте в виду, Джеймс, – ответил Шандон, – что все это одни предположения. Куда мы пойдем – в северные или южные моря, – я и сам не знаю. Быть может, дело идет о каких-нибудь открытиях. Впрочем, на днях должен явиться некий доктор Клоубонни, который наверное знает больше нас и все разъяснит. Поживем – увидим.

– Ладно, увидим, – сказал Джонсон. – А я тем временем постараюсь подыскать надежных ребят. Что до их жизненной энергии, как выражается капитан, то за это я ручаюсь вам наперед. В этом отношении можете вполне на меня положиться.

Джонсон был прямо бесценный человек; он приобрел большой опыт в арктических плаваниях. Он был боцманом на корабле «Феникс», входившем в состав экспедиций, отправлявшихся в 1853 году на поиски Франклина. Этот отважный моряк был свидетелем смерти французского лейтенанта Белло, которого он сопровождал во время его переходов по льдам. Джонсон знал чуть ли не всех моряков в Ливерпуле, и он немедленно приступил к вербовке экипажа.

Шандон, Уолл и Джонсон действовали так успешно, что в первых числах декабря экипаж был уже в полном составе. Однако дело не обошлось без трудностей: многих соблазняла высокая плата, но вместе с тем страшила судьба экспедиции; иной матрос, смело приняв предложение, через некоторое время брал слово назад и возвращал задаток, так как друзья отговаривали его от участия в таинственной экспедиции. Но все как один старались проникнуть в тайну и надоедали расспросами Шандону, который всякий раз спроваживал их к Джонсону.

– Что я могу тебе сказать, друг мой? – неизменно отвечал Джонсон. – Я знаю не больше твоего. Во всяком случае, ты будешь в хорошем обществе, среди молодцов не робкого десятка, а это что-нибудь да значит! Поэтому тут нечего долго раскидывать умом: согласен или нет?

И большинство матросов соглашалось.

– Пойми же наконец, – добавлял иногда боцман, – что у меня большой выбор. Такой платы еще не получал ни один матрос. А как вернешься, получишь вдобавок кругленький капитал. Штука, братец ты мой, лакомая!

– Что и говорить, лакомая, – соглашался матрос. – Будешь обеспечен на всю жизнь!

– Не скрою от тебя, – продолжал Джонсон, – что плавание будет долгое, трудное и опасное. Так и сказано в наших инструкциях. Ты должен знать, за что берешься. Работать наверняка придется изо всех сил, а может, и сверх силы. Поэтому, если ты не из храбрых, если не прошел огонь, воду и медные трубы, если у тебя нет дьявольской выдержки, если ты не готов ко всему на свете, – ну, словом, если дрожишь за свою шкуру, то поворачивай оглобли и дай место молодцам посмелее тебя.

– Но, мистер Джонсон, – говорил припертый к стене матрос, – вы-то хоть знаете капитана?

– Пока что наш капитан – Ричард Шандон.

Надо сказать, что так думал и сам Шандон; он легко поддался мысли, что в последнюю минуту поступят точные указания о маршруте путешествия и он останется капитаном «Форварда». Он не раз высказывал такое мнение в беседе с помощниками или с приятелями на бёркенхедской верфи, следя за работами по постройке брига, шпангоуты⁷ которого уже торчали на стапелях, напоминая скелет кита.

---

⁷ Шпангоут – ребро корпуса корабля.

Шандон и Джонсон строго придерживались инструкции относительно выбора матросов. Вид у завербованных был вполне надежный, и они обладали жизненной энергией в количестве, достаточном, чтобы двигать машину «Форварда». Все говорило за то, что они смогут противостоять лютой стуже. Это были уверенные в себе, энергичные, решительные, крепкого сложения люди. Однако не все они были богатырского телосложения. Шандон даже сперва не решился принять некоторых из них, например матросов Гриппера, Гарри и гарпунщика Симпсона, показавшихся ему несколько худощавыми. Но так как они были люди крепкие, смелые и сильные, то в конце концов их приняли.

Весь экипаж состоял из протестантов одного и того же толка. Во время экспедиций общая молитва и чтение Библии объединяют людей различного склада и подкрепляют их в минуты уныния; на корабле нельзя допускать разномыслия в вопросах веры. Шандон убедился на опыте, насколько полезны такие собрания и как они поддерживают дух экипажа; из этих сообщений к ним всегда прибегают на судах во время продолжительных полярных плаваний.

Покончив с вербовкой экипажа, Шандон, Джонсон и Уолл занялись заготовкой продовольствия, строго придерживаясь инструкции капитана, инструкции точных, ясных, подробных, определяющих как количество, так и качество любого из продуктов. Благодаря ордерам, которые имел Шандон, все оплачивалось чисто ганом, со скидкой восьми процентов, добросовестно отмечавшейся всякий раз Шандоном.

В январе 1860 года все было в полной готовности: экипаж, продовольствие и груз. Бриг начал уже принимать определенную форму. Шандон каждый день бывал в Бёркенхеде.

23 января, утром, по своему обыкновению, Шандон находился на палубе одного из тех широких паровых катеров, которые снабжены рулем на носу и корме, чтобы избежать крутых поворотов, и совершают рейсы между берегами реки Мерсей. В воздухе стоял обычный туман, заставлявший моряков прибегать к помощи компаса, хотя рейс длился не более десяти минут.

Как ни густ был туман, он не помешал Шандону заметить приземистого, полного человека с умным веселым лицом и приветливым взглядом. Человек этот подошел к Шандону, схватил его за обе руки и стал трясти их с горячностью, живостью и фамильярностью «чисто южной», как выразился бы француз.

Однако этот субъект, как ни странно, не был уроженцем юга; он сыпал словами и энергично жестикулировал; казалось, его мысли непременно должны были выразиться в словах и жестах, иначе могли бы взорвать его черепную коробку. Глаза его, маленькие, как это часто бывает у умных людей, и большой подвижный рот были чем-то вроде предохранительных клапанов, через которые вырывался излишек внутреннего напряжения; говорил он так много и так быстро, что Шандон ничего не мог разобрать.

Однако он узнал маленького человека, хотя никогда его не видел: он сразу понял, с кем имеет дело, и, улучив момент, когда незнакомец на миг замолчал, спросил:

– Доктор Клоубонни?

– Он самый, собственной персоной! Вот уже добрые четверть часа я ищу вас и спрашиваю у всех и каждого. Поймите же мое нетерпение! Еще пять минут – и я сошел бы с ума! Итак, вы помощник капитана, Ричард Шандон? Значит, вы существуете? Вы не миф? Вашу руку, вашу руку! Позвольте еще раз пожать ее! Да, это рука Ричарда Шандона! Но если существует Ричард Шандон, то существует и бриг «Форвард», которым он командует; если он командует бригам, то отправится в море, а если отправится в море, то возьмет с собой доктора Клоубонни!

– Ну да, доктор, я Ричард Шандон, бриг «Форвард» существует и отправится в плавание.

– Это вполне логично, – ответил доктор, сделав глубокий вдох, – вполне логично. Я от души этому рад, я на вершине блаженства! Давно уже я жду такого случая, давно уже хотел предпринять подобное путешествие. Я уверен, что мы с вами...

– Позвольте... – перебил его Шандон.

– Я уверен, – продолжал доктор, не слушая Шандона, – что мы с вами заберемся далеко и не сделаем ни шагу назад.

– Однако... – возразил Шандон.

– Потому что вы уже доказали свою опытность и мне известен ваш послужной список. Да, вы – отличный моряк!

– Не угодно ли вам...

– Разве можно хоть на минуту сомневаться в вашем мужестве, вашей храбрости и вашем искусстве! Капитан, назначивший вас своим помощником, не ошибся, уверяю вас!

– Да не в этом дело, – сказал Шандон, теряя терпение.

– А в чем же? Ради бога, не мучайте меня!

– Черт возьми, да вы не даете мне и слова сказать! Скажите, пожалуйста, доктор, что побудило вас принять участие в экспедиции брига «Форвард»?

– Письмо, очень любезное письмо, – вот оно, письмо добрейшего капитана, очень лаконичное, но весьма убедительное!

С этими словами доктор протянул Шандону письмо следующего содержания:

«Инвернесс, 22 января 1860 года.

Доктору Клоубонни.

Ливерпуль.

Если доктору Клоубонни угодно отправиться на бриге „Форвард“ в продолжительное плавание, то он может явиться к помощнику капитана Ричарду Шандону, получившему соответствующие инструкции.

Капитан брига „Форвард“ К. З.»

– Письмо получено сегодня утром, и я готов сегодня же подняться на борт «Форварда».

– Вы, доктор, по крайней мере знаете, какова цель этой экспедиции? – спросил Шандон.

– Ничуть не бывало! Впрочем, это не важно, главное – лишь бы отправиться куда-нибудь.

Говорят, будто я человек ученый; но это неправда, сэр, я ничего не знаю; правда, я сочинил кое-какие книжонки, которые расходятся недурно, – но лучше бы мне этого не делать. Публика слишком уж снисходительна, если покупает их. Ничего я не знаю, говорю вам, за исключением того, что я величайший невежда. Но мне дают возможность пополнить, или, вернее, уточнить, мои познания – в области медицины, хирургии, истории, географии, ботаники, минералогии, конхиологии⁸, геодезии, химии, физики, механики и гидрографии; ну что ж, я согласен и, уверяю вас, не заставлю себя просить!

– Так, значит, – разочарованным тоном сказал Шандон, – вам неизвестно, куда отправляется «Форвард»?

– Напротив, известно! Он отправляется туда, где можно чему-нибудь научиться, что-нибудь открыть, сопоставить, где можно встретить другие обычаи, другие страны, изучать другие народы и присущие им нравы; словом, бриг отправляется туда, где мне еще не приходилось бывать.

– Но скажите точнее! – воскликнул Шандон.

– Могу и точнее, – ответил доктор, – я слышал, что бриг отправляется в северные моря.

Ну что ж, на север так на север!

– По крайней мере, – спросил Шандон, – вы знаете капитана брига?

– Понятия о нем не имею! Но, поверьте мне, это достойный человек!

Сойдя на берег в Бёркенхеде, Шандон разъяснил доктору положение вещей, и таинственность предприятия сразу же воспламенила воображение Клоубонни. При виде брига он при-

---

⁸ Конхиология – отдел зоологии, изучающий раковины, главным образом моллюсков.

шел в восторг. С этого дня доктор не расставался с Шандоном и каждое утро осматривал корпус «Форварда».

Впрочем, ему было поручено организовать аптеку на бриге.

Клоубонни был врач, и хороший врач, но практикой занимался мало. В двадцать пять лет он, как и многие, был уже доктором медицины, а в сорок – настоящим ученым, известным всему городу; он был выдающимся членом Литературного и философского общества в Ливерпуле. Он обладал небольшим состоянием, и это позволяло ему лечить больных бесплатно, что, впрочем, не уменьшало ценности его советов. Любимый всеми, как личность в высшей степени обаятельная, он никогда не причинял вреда ни другим, ни себе. Живой и, пожалуй, несколько болтливый, он отличался чистосердечием и щедростью.

Как только в городе узнали о водворении доктора на бриге, его друзья приложили все усилия, чтобы отговорить его от участия в экспедиции, но это только укрепило ученого в раз принятом им решении: если доктор где-нибудь пустил корни, то едва ли кому-нибудь удалось бы сдвинуть его с места.

С этого времени всякого рода толки, догадки, предположения и опасения стали расти как грибы, не по дням, а по часам; это не помешало, однако, спустить «Форвард» на воду 5 февраля 1860 года. Через два месяца бриг был уже готов к отплытию.

15 февраля, как сказано было в письме капитана, по Эдинбургской железной дороге в Ливерпуль в адрес Ричарда Шандона был доставлен датский дог. Собака казалась злой, трусливой и мрачной, и глаза у нее были какие-то странные. На медном ошейнике было вырезано слово «Форвард». Шандон в тот же день принял собаку на борт и о получении ее сообщил по адресу: «Ливорно, К. З.».

Экипаж «Форварда» состоял из: 1) капитана К. З., 2) Ричарда Шандона, помощника капитана, 3) Джемса Уолла, второго помощника, 4) доктора Клоубонни, 5) Джонсона, боцмана, 6) Симпсона, гарпунщика, 7) Бэлла, плотника, 8) Брентона, первого механика, 9) Пловера, второго механика, 10) Стронга (негра), повара, 11) Фокера, ледового лоцмана, 12) Уолстена, оружейника, 13) Болтона, матроса, 14) Гарри, матроса, 15) Клифтона, матроса, 16) Гриппера, матроса, 17) Пэна, матроса, 18) Уорена, кочегара.

Таким образом, не считая капитана, экипаж был весь налицо.

Глава четвертая

Собака-капитан

5 апреля наступил день отплытия «Форварда». Присутствие доктора на бриге несколько успокаивало умы: куда бы ни отправился достойный ученый, можно было смело следовать за ним. Но все же большая часть матросов была в некоторой тревоге, и Шандон, опасаясь, как бы дезертирство не произвело некоторого опустошения в рядах экипажа, торопился выйти в море: потеряв берег из виду, матросы волей-неволей покорятся своей участи.

Каюта доктора Клоубонни находилась под ютом и занимала всю кормовую часть брига. Каюты капитана и его помощника, расположенные друг против друга, выходили окнами на палубу. Каюту капитана, снабдив различными инструментами, мебелью, дорожной одеждой, книгами, бельем и утварью, подробно перечисленными в списке, наглухо заперли. По распоряжению неведомого капитана ключ от этой каюты был отправлен в Любек, следовательно, только он сам мог в нее войти.

Это очень беспокоило Шандона, ибо отнимало у него шансы на командование бригам. Он превосходно оборудовал свою каюту, так как ему были хорошо известны условия полярных экспедиций.

Каюта Уолла находилась рядом с кубриком⁹, служившим матросам спальней. Там было очень просторно, и едва ли они нашли бы на другом судне более удобное помещение. О них заботились, как о ценном грузе; посреди кубрика стояла большая печь.

Доктор Клоубонни, вступивший во владение своей каютой 6 февраля, то есть на другой день после спуска брига на воду, весь ушел в свои хлопоты.

– Самым счастливым животным на свете, – рассуждал он, – была бы улитка, если бы она могла по своему желанию построить себе раковину. Постараюсь же быть разумной улиткой.

Действительно, эта раковина, в которой ему суждено было пробыть долгое время, принимала очень уютный вид. Клоубонни радовался, как ребенок или как ученый, приводя в порядок свое научное хозяйство. Его книги, гербарии, точные механизмы, физические приборы, коллекции термометров, барометров, гигрометров, дождемеров, подзорных труб, компасов, секстантов, карт, планов, склянки, порошки, пузырьки его довольно богатой походной аптечки – все это приводилось в порядок, которому мог бы позавидовать Британский музей. Пространство в шесть квадратных футов¹⁰ содержало неисчислимые богатства; доктору стоило только, не сходя с места, протянуть руку, чтобы мгновенно сделаться медиком, математиком, астрономом, географом, ботаником или конхиологом.

По правде сказать, он гордился своим хозяйством и был счастлив в своем плавучем святилище, где с трудом могли бы уместиться трое самых тощих его приятелей. Впрочем, вскоре появились и друзья, и притом в таком количестве, что даже покладистый доктор не выдержал и под конец сказал, перефразируя известное изречение Сократа¹¹:

– Мой дом невелик, но дай бог, чтобы он никогда не наполнялся друзьями.

Для полноты описания «Форварда» добавим, что конура большого датского дога находилась как раз под окном таинственной каюты; но свирепый обитатель конуры предпочитал бродить по нижней палубе и трюму; казалось, не было возможности приручить его, и никто не мог совладать со странным нравом собаки. По ночам ее жалобный вой зловеще отдавался в глубине трюма.

Быть может, она тосковала по своему отсутствующему хозяину? Или инстинктивно предчувствовала опасности предстоящего путешествия? Или предвещала грядущие напасти? Последнее казалось матросам вероятнее всего. Правда, некоторые подшучивали над ее повадками, но в душе считали собаку каким-то дьявольским отродьем.

Один из матросов, по имени Пэн, на редкость грубый малый, бросился однажды на собаку, чтобы ее отколотить, но оступился, упал на шпиль и раскроил себе голову. Разумеется, и в этом случае обвинили во всем злосчастную собаку.

Клифтон, самый суеверный из всего экипажа, заметил, что, находясь на юте¹², собака постоянно бродила на наветренной стороне; позже, когда бриг уже вышел в море и ему приходилось лавировать, странное животное после каждого поворота меняло место и упорно держалось наветренной стороны, словно настоящий капитан.

Доктор Клоубонни, который своей кротостью и приветливостью, казалось, мог бы смирить тигра, напрасно старался задобрить собаку, он только даром потратил труд и время.

Так как собака не откликнулась ни на одно имя «собачьего календаря», то матросы под конец стали называть ее «Капитаном», ибо она прекрасно знала все морские порядки и, видимо, не раз уже побывала в плавании.

Понятно, чем был вызван шуточный ответ боцмана приятелю Клифтона, и не удивительно, что большинство матросов приняло его всерьез. Некоторые, правда, улыбались, вспо-

---

⁹ *Кубрик* – жилое помещение для судовой команды.

¹⁰ *Фут* – мера длины, равная 30,48 см.

¹¹ *Сократ* (469–399 до н. э.) – великий философ Древней Греции. Преследуемый за свое учение, вынужден был принять кубок с ядом цикуты (ядовитое растение).

¹² *Ют* – кормовая часть верхней палубы судна.

миная слова боцмана, но втайне ожидали, что в один прекрасный день собака примет человеческий образ и на бриге раздастся громкая команда капитана.

Хотя Ричард Шандон и не разделял этих суеверных страхов, но в душе он не был спокоен. Вечером 5-го, накануне отплытия, он сидел, дружески беседуя в кают-компании¹³ с доктором, Уоллом и Джонсоном.

Все четверо осушали уже по десятому стакану грога, надолго прощаясь с этим напитком, потому что, согласно предписаниям, полученным в письме из Абердина, на время плавания все люди на бриге, начиная с капитана и кончая кочегаром, становились «водохлебами», то есть не должны были получать ни вина, ни пива. Крепкие напитки отпускались только в случае болезни, да и то по предписанию врача.

Уже добрый час беседовали они об отъезде. Если все распоряжения капитана действительно осуществляются, то Шандон получит завтра письмо, содержащее последние инструкции.

– Если из этого письма, – говорил Шандон, – я не узнаю имени капитана, то по крайней мере станет известным хоть место назначения брига. Иначе – куда же мы пойдем?

– На вашем месте, – ответил нетерпеливый доктор, – я отплыл бы, не дожидаясь письма. Ручаюсь, что это письмо нагонит нас в дороге.

– Вы так уверены, доктор? Но интересно знать, куда бы вы направили корабль?

– К Северному полюсу! Это само собой разумеется, – тут не может быть ни малейшего сомнения.

– Ни малейшего сомнения? – протянул Уолл. – Но почему же не к Южному полюсу?

– К Южному? – воскликнул доктор. – Никогда! Неужели капитан захочет пересекать весь Атлантический океан? Вы только представьте себе это, дорогой друг.

– У доктора на все готов ответ, – сказал Уолл.

– Допустим, что на север, – начал опять Шандон. – Но куда же именно, доктор: к Шпицбергену? Или к Гренландии? Или к Лабрадору? Или, наконец, в Баффинов залив? Если все дороги ведут к одному месту, то есть к непроходимым льдам, то, во всяком случае, дорог этих много, и мне было бы очень трудно выбрать ту или другую. Можете ли вы дать мне точный ответ?

– Нет, – ответил Клоубонни, досадуя, что не может ничего сказать. – Но если вы так и не получите письма – что вы будете делать?

– Да ничего; стану ждать.

– Вы не отправитесь? – воскликнул доктор, отчаянно потрясая стаканом.

– Конечно нет.

– Так будет благоразумнее всего, – спокойно заговорил Джонсон, в то время как доктор, которому не сиделось на месте, взволнованно расхаживал вокруг стола. – Да, так будет благоразумнее, хотя дальнейшая проволока может иметь дурные последствия. Во-первых, теперь самое благоприятное время года, и если мы в самом деле двинемся на север, то необходимо воспользоваться таянием льдов, чтобы пройти Девисов пролив. Во-вторых, экипаж с каждым днем все больше волнуется; друзья да товарищи подбивают наших матросов оставить бриг, и их запугивания могут сыграть с нами скверную шутку.

– К тому же, – добавил Джемс Уолл, – если среди матросов начнется паника, то они сбегут все до одного, и как вы наберете тогда новую команду?

– Но что же делать! – воскликнул Шандон.

– Ждать, как вы и сказали, – ответил доктор, – но ждать только до завтрашнего дня и не отчаиваться. Обещания капитана исполнялись до сих пор с поразительной точностью; поэтому нет оснований думать, что в свое время нам не будет сообщено, куда направляется бриг. Лично

---

¹³ *Кают-компания* – общее помещение на судне для командного состава, где собираются во время обеда, в часы отдыха и т. п.

я ни на минуту не сомневаюсь, что завтра мы будем уже в Ирландском море, а потому, друзья мои, предлагаю вам выпить последний стакан грога за успех нашего плавания. Правда, оно начинается в несколько странных обстоятельствах, но с такими моряками, как вы, у нас тысяча шансов на счастливый исход!

И все четверо чокнулись в последний раз.

– А теперь, – обратился Джонсон к Шандону, – если позволите дать вам совет, приготовьте все к отплытию. Экипаж должен быть убежден, что вы вполне уверены в своих действиях. Получите вы завтра письмо или нет, – все равно снимайтесь с якоря. Не разводите паров; ветер, видимо, установился, и что может быть легче, как спуститься по течению. Пускай лоцман взойдет на борт; в час отлива выходите из дока и становитесь на якорь за Бёркенхедским мысом; наши люди не будут иметь никаких сношений с берегом, и если этому дьявольскому письму суждено попасть в наши руки, то, поверьте, оно найдет нас там, как и во всяком другом месте.

– Умно сказано, Джонсон, – воскликнул доктор, протягивая руку старому моряку.

– Будь по-вашему! – согласился Шандон.

После этого все разошлись по своим каютам. В эту ночь думы об отплытии тревожили их и во сне.

На другой день с первой почтой Ричард Шандон не получил ни строчки.

Тем не менее он энергично готовился к отплытию. Слух об этом разнесся по всему Ливерпулю, и, как мы уже знаем, огромная толпа зрителей хлынула на набережную Новых доков Принца.

Одни приходили на бриг, чтобы в последний раз обнять товарища, другие – чтобы отговорить приятеля, третьи – чтобы взглянуть на странное судно, четвертые – чтобы разузнать про цель плавания. Многим не понравилось, что в этот день Шандон был молчаливее и сдержаннее, чем обычно.

Однако у него имелись на это уважительные причины.

Пробило десять. Пробило одиннадцать. Прилив должен был кончиться к часу дня. Шандон стоял на рубке и тревожно разглядывал толпу, ища человека, который разрешит его сомнения. Напрасные надежды! Матросы «Форварда» молча исполняли приказания помощника капитана, не спуская с него глаз; все напряженно ждали вести, которая, однако, не приходила.

Джонсон заканчивал последние приготовления к отплытию. Погода стояла пасмурная; на море поднялось сильное волнение; дул свежий юго-восточный ветер, но выход из реки Мерсей не представлял затруднений.

Полдень. Опять ничего. Доктор Клоубонни взволнованно шагал по палубе, поглядывая по сторонам, жестикулировал и «жаждал моря», как он выражался со свойственной ему ученой изысканностью. Он был сильно взволнован, хотя и старался сдерживаться. Шандон до крови искусал себе губы.

В эту минуту подошел Джонсон.

– Если вы хотите воспользоваться отливом, – сказал он, – то времени терять не следует. Нам понадобится час, чтобы выйти из дока.

Шандон в последний раз осмотрелся по сторонам и взглянул на циферблат. Был уже первый час.

– Снимайтесь! – сказал он шкиперу.

– Эй, вы, расходитесь! – крикнул Джонсон, приказывая посторонним очистить палубу «Форварда».

Толпа заколыхалась, направляясь к сходням, матросы стали отдавать последние швартовы¹⁴.

---

¹⁴ Швартовы – канаты для прикрепления судна к пристани, другому судну и т. п.

Началась суматоха, так как матросы бесцеремонно спроваживали с палубы любопытных; к гаму толпы примешивалось рычание собаки. Внезапно дог стал яростно протискиваться сквозь густую толпу. Он глухо ворчал.

Собаке дали дорогу; она вспрыгнула на ют, и – трудно поверить, но подтвердить это могут сотни свидетелей – собака-капитан держала в зубах письмо.

– Письмо! – вскричал Шандон. – Так, значит, *он* на бриге?

– Без сомнения, *он* был здесь, но теперь его уже нет, – ответил Джонсон, показывая на палубу, совершенно очищенную от праздных зрителей.

– Капитан, Капитан, сюда! – кричал доктор, стараясь схватить письмо, которое собака не давала ему, делая большие прыжки. Казалось, она хотела вручить пакет самому Шандону.

– Сюда, Капитан! – крикнул моряк.

Собака подошла к нему. Шандон без труда взял письмо, и Капитан три раза громко пролаял среди глубокой тишины, царившей на бриге и набережной.

Шандон держал в руке письмо, не вскрывая его.

– Да читайте же! – воскликнул доктор.

Шандон взглянул на конверт. Там не было обозначено ни числа, ни адреса, стояло только:

*«Помощнику капитана Ричарду Шандону,
на бриге „Форвард“».*

Шандон распечатал письмо и прочел:

«Направляйтесь к мысу Фарвель. Вы прибудете туда 20 апреля. Если капитан не явится, вы пересечете Девисов пролив и пройдете Баффиновым заливом до залива Мелвилла.

Капитан „Форварда“ К. З.»

Шандон тщательно сложил это лаконичное письмо, сунул его в карман и отдал приказ об отплытии. Под свист восточного ветра голос его звучал как-то особенно торжественно.

Вскоре «Форвард» был уже вне дока и, направляемый ливерпульским лоцманом, маленький бот которого шел невядалеке, вступил в фарватер реки Мерсей. Толпа повалила на внешнюю набережную доков Виктории, чтобы в последний раз взглянуть на загадочное судно. Мигом были поставлены марселя, фок и бизань¹⁵, и «Форвард», оправдывая свое название, быстро обогнул Бёркенхедский мыс и полным ходом вышел в Ирландское море.

Глава пятая

В открытом море

Порывистый, но попутный ветер налетал бурными шквалами. «Форвард» быстро рассекал волны; винт его бездействовал.

В три часа дня навстречу попался пароход, совершающий рейсы между Ливерпулем и островом Мэн. Его капитан окликнул бриг, и это было последнее слово напутствия, услышанное экипажем «Форварда».

В пять часов лоцман сдал командование бригом Ричарду Шандону и пересел на свой бот, который, искусно лавируя, вскоре скрылся на юго-западе.

К вечеру бриг обогнул мыс на южной оконечности острова Мэн. Ночью море сильно волновалось; «Форвард» шел по-прежнему отлично, оставил мыс Эйр на северо-западе и направился к Северному проливу.

Джонсон был прав: в открытом море инстинкт моряков одержал верх над всякими опасениями. Убедившись в надежности брига, матросы стали забывать о необычности этого плавания. Быстро наладилась нормальная судовая жизнь.

Доктор с наслаждением вдыхал морской воздух. Во время шквалов он бодро расхаживал по палубе; для ученого мужа у него была неплохая морская походка.

– Что ни говорите, а море – славная вещь, – сказал Клоубонни Джонсону, поднимаясь на палубу после завтрака. – Я поздно познакомился с ним, но постараюсь наверстать упущенное.

---

¹⁵ *Марсели* – вторые снизу прямые паруса. *Фок* – нижний прямой парус на фок-мачте. *Бизань* – нижний прямой парус на бизань-мачте.

– Вы правы, доктор; я готов отдать все материки за кусок океана. Говорят, будто морякам быстро надоедает их ремесло, но я вот уже сорок лет хожу по морю, а оно мне все так же нравится, как и в первый день.

– Какое наслаждение чувствовать под ногами надежный корабль, а насколько я могу судить, «Форвард» ведет себя молодцом.

– Вы не ошиблись, доктор, – сказал Шандон, подходя к собеседникам. – «Форвард» – превосходное судно, я утверждаю, что ни один корабль, предназначенный для плавания во льдах, не был лучше оборудован и снаряжен. Это мне напоминает, как тридцать лет назад капитан Джемс Росс, отправлявшийся на поиски Северо-Западного прохода...

– На бриге «Победа», – с живостью перебил доктор, – он был такой же почти вместимости, как и наш, и также снабжен машиной.

– Как? Вы это знаете?

– Как видите, – продолжал доктор. – В то время машины находились еще в младенческом состоянии, и машина брига «Победа» была причиной многих досадных задержек. Капитан Джемс Росс, долго и напрасно чинивший ее по частям, кончил тем, что разобрал ее и бросил на первой же зимней стоянке.

– Черт побери! – вырвалось у Шандона. – Да вы, я вижу, знаете все подробности!

– А то как же! – отвечал доктор. – Я прочел сочинения Парри, Росса, Франклина, донесения Мак-Клура, Кеннеди, Кейна, Мак-Клинтока¹⁶, – кое-что и осталось в памяти. Добавлю еще, что тот же Мак-Клинток на винтовом, вроде нашего, бриге «Фокс» гораздо легче и успешнее достиг своей цели, чем все его предшественники.

– Совершенно верно, – ответил Шандон. – Мак-Клинток – отважный моряк: мне довелось с ним плавать. Можете еще добавить, что, как и он, в апреле месяце мы будем в Девисовом проливе; и если нам удастся пробраться между льдами, то мы далеко продвинемся.

– Если только, – сказал доктор, – нас в первый же год не затрет льдами в Баффиновом заливе, как это было с «Фоксом» в тысяча восемьсот пятьдесят седьмом году, и тогда нам придется зимовать среди сплошного льда.

– Надо надеяться, что мы окажемся счастливее, мистер Шандон, – отвечал Джонсон. – Если уж на таком судне, как «Форвард», не пройти куда хочешь, то, верно, придется махнуть рукой на все эти затеи.

– Впрочем, – начал опять доктор, – если капитан будет находиться на бриге, то он, конечно, будет знать, как ему поступать, – не то что мы; ведь письмо до того лаконично, что никак не догадаешься о цели экспедиции.

– Достаточно уж того, – с живостью ответил Шандон, – что мы знаем, какого держаться курса. Полагаю, что еще добрый месяц мы сможем обойтись без сверхъестественного вмешательства незнакомца и его распоряжений. Впрочем, на этот счет мое мнение вам уже известно.

– Ну да! Я думал, как и вы, – заметил доктор, – что этот человек оставит за вами командование бригом, а сам не появится, но...

– Но что? – с оттенком неудовольствия спросил Шандон.

– После получения второго письма я переменял мнение.

– Почему же, доктор?

– Да потому, что это письмо хотя и указывает вам путь, но не говорит о целях плавания; между тем необходимо знать, куда мы идем. Мы в открытом море, и я спрашиваю вас: как это мы можем получить третье письмо? В Гренландии почтовая связь, вероятно, оставляет желать лучшего. Знаете что, Шандон, я думаю, что капитан ждет нас в каком-нибудь датском поселении, в Хольстейнборге или Упернивеке. Возможно, что он отправился туда, чтобы запастись тюленьими шкурами, закупить собак и сани и заготовить все необходимое для полярных экс-

---

¹⁶ Перечисляются полярные исследователи.

педиций. Поэтому меня ничуть не удивит, если в одно прекрасное утро он выйдет из своей каюты и самым естественным манером начнет командовать бригам.

– Может быть, – процедил сквозь зубы Шандон. – Однако ветер свежеет, и не следует в такую погоду рисковать брамселями¹⁷.

Шандон покинул доктора и приказал убрать верхние паруса.

– Однако он упорно стоит на своем, – сказал боцману доктор.

– Да, – отвечал Джонсон, – и это тем печальнее, доктор, что, быть может, вы окажетесь правы.

В субботу, под вечер, «Форвард» обогнул Галловейский мыс, маяк которого был замечен на северо-востоке. Ночью он миновал мыс Кинтайр, затем мыс Фэр на восточном побережье Ирландии. К трем часам прошел остров Ратлин и Северным проливом вышел в океан.

Это было в воскресенье, 8 апреля.

Англичане, в особенности моряки, педантично соблюдают воскресные дни. Поэтому часть утра была посвящена молитве и чтению вслух Библии, которое охотно взял на себя доктор.

Переходивший в ураган ветер грозил отбросить бриг к ирландскому берегу; волнение было сильное, качка – крайне утомительна. Немудрено было бы заболеть морской болезнью, и если доктор не заболел, то лишь потому, что он этого сильно не хотел. В полдень мыс Малин скрылся из виду на юге; это был последний клочок европейской земли, оставленный позади отважными мореплавателями, многим из них не суждено было снова увидеть родину; они долго следили глазами за исчезающей на горизонте землей.

С помощью секстанта и хронометра определили положение брига: 55°57′ широты и 7°10′ долготы.

Ураган стих к девяти часам вечера; «Форвард», не убавляя хода, держал курс на северо-запад. В этот день бриг обнаружил свои высокие морские качества; ливерпульские знатоки не ошиблись: «Форвард» оказался превосходным парусным судном.

В течение нескольких дней бриг быстро двигался на северо-запад; ветер стал южным; море сильно волновалось; «Форвард» шел на всех парусах. Буревестники и тупики носились над ютом; доктор очень ловко подстрелил одну из птиц, и она упала на палубу.

Симпсон, гарпунщик, поднял ее и подал Клоубонни.

– Неважная дичь, доктор, – сказал он.

– Напротив, из нее можно приготовить отличное блюдо.

– Как? Вы станете есть эту дрянь?

– Да, и вы тоже, друг мой, – сказал Клоубонни.

– Брр! – воскликнул Симпсон. – Мясо этой птицы отдает ворвань и горчит, как у всех морских птиц.

– Ладно! – сказал доктор. – Я особенным способом приготовлю эту дичь, и если вы догадаетесь, что это мясо морской птицы, то я никогда в жизни больше не застрелю ни одного буревестника.

– Значит, вы, доктор, вдобавок ко всему еще и повар? – спросил Джонсон.

– Ученый должен знать всего понемногу.

– В таком случае берегись, Симпсон, – сказал боцман. – Доктор – уж такой ловкий, что, пожалуй, мы и в самом деле примем буревестника за отменную куропатку.

Клоубонни не ударил лицом в грязь: он искусно снял с буревестника подкожный слой жира, которого больше всего на ножках, от этого исчезла горьковатость и противный привкус рыбы. Приготовленного таким образом буревестника все, в том числе и Симпсон, признали отличной дичью.

---

¹⁷ *Брамсель* – прямой парус, ставящийся на третьем ярусе от палубы (над марселем).

Во время последнего шторма Ричард Шандон смог вполне оценить достоинства своего экипажа. Он изучал каждого матроса в отдельности, что обязан делать каждый благоразумный командир судна, желающий избежать в будущем непредвиденных осложнений. Он знал теперь, на кого можно рассчитывать.

Джемс Уолл душой и телом был предан Шандону; дело он знал хорошо, был усердный исполнитель, но ему не хватало инициативы; как второстепенное должностное лицо, он был на месте.

У Джонсона, человека, испытанного в борьбе с морем, избородившего полярные моря, не было недостатка в хладнокровии и отваге.

Симпсон, гарпунщик, и Бэлл, плотник, были люди надежные, дисциплинированные и преданные долгу. Ледовый лоцман Фокер, воспитанный в школе Джонсона, мог оказать экспедиции большие услуги.

Лучшими из матросов, по-видимому, были Гарри и Болтон: Болтон, парень веселый и словоохотливый, любил побалагурить; у Гарри, малого лет тридцати пяти, было энергичное лицо, но он был бледноват и несколько задумчив.

Матросы Клифтон, Гриппер и Пэн, видимо менее энергичные и решительные, не прочь были при случае и пороптать. Гриппер в момент отплытия чуть не ушел с брига, только чувство стыда удержало его на «Форварде». Если все будет хорошо, если не придется подвергаться большим опасностям и работа не будет слишком изнурительной, то на этих трех матросов можно вполне положиться. Но им необходима была сытная пища, потому что путь к их сердцу шел, так сказать, через желудок. Хотя и предупрежденные заранее, они все еще не хотели считать себя «водохлебами», за обедом скорбели об отсутствии водки и джина, тем не менее они старались отыгаться на кофе и чае, которые могли пить вволю.

Что касается механиков, Брентона и Пловера, и кочегара Уорена, то до сих пор они только и делали, что прохаживались по палубе или сидели, скрестив на груди руки.

Итак, Шандон достаточно изучил своих подчиненных.

14 апреля «Форвард» пересек великое течение Гольфстрим, которое направляется вдоль восточных берегов Америки, доходит до Ньюфаундленда, затем уклоняется на северо-восток и огибает берега Норвегии. Бриг находился на $51^{\circ}37'$ широты и $22^{\circ}58'$ долготы, в двухстах милях от Гренландии. Заметно похолодало; термометр опустился до тридцати двух градусов¹⁸, то есть до точки замерзания.

Доктор, не считая нужным одеваться по-зимнему, ходил, как все матросы. Занятно было глядеть, как Клоубонни щеголял в высоких сапогах, в которые он, так сказать, входил всей своей особой, в широкой клеенчатой шляпе и в таких же брюках и куртке. Во время сильных дождей или когда волны перекачивались через палубу, он сильно смахивал на тюленя. Надо сказать, это сходство чрезвычайно льстило его самолюбию.

В течение двух дней продолжалась буря; северо-западный ветер значительно замедлял движение брига. С 14 до 16 апреля море не утихло, но в понедельник хлынул проливной дождь, почти мгновенно успокоивший море.

Шандон обратил внимание доктора на это обстоятельство.

– Ну да, – сказал доктор, – этим подтверждаются интересные наблюдения китобоя Скорсби, члена Королевского Ливерпульского общества, в котором и я состою членом-корреспондентом. Он отмечает, что во время дождя волны почти исчезают, даже при сильном ветре. Напротив, в сухую погоду море волнуется даже от слабого ветра.

– Как же объясняют это явление, доктор?

– Очень просто: его вовсе не объясняют.

---

¹⁸ По Фаренгейту. Равняется 0° по Цельсию.

В это время ледовый лоцман, стоявший на вахте на брам-салинге¹⁹, заметил милях в пятнадцати справа под ветром плывущую глыбу льда.

– Ледяная гора под этой широтой! – воскликнул доктор.

Шандон взглянул в подзорную трубу в указанном направлении и подтвердил сообщение лоцмана.

– Вот так штука! – воскликнул доктор.

– Это вас удивляет? – смеясь, заметил Шандон. – Неужели нам так повезло, что мы наконец можем чем-нибудь вас удивить?

– В первый момент это меня удивило, хотя, собственно говоря, тут нечему удивляться, – с улыбкой отвечал доктор. – Ведь бриг «Энн де Пуль» из Гриспонда в тысяча восемьсот тринадцатом году под сорок четвертым градусом северной широты был буквально затерт льдами; его капитан Деймент насчитывал целые сотни айсбергов.

– Значит, – сказал Шандон, – и в этом отношении кое-чему мы можем поучиться у вас?

– Очень немногому, – скромно ответил доктор. – Могу только добавить, что ледяные горы встречались и под менее высокими широтами.

– Я это хорошо знаю, дорогой доктор, потому что, будучи юнгой на военном шлюпе «Флай»...

– В тысяча восемьсот восемнадцатом году, – подхватил доктор, – в конце марта, вы прошли между двумя плавающими ледяными островами под сорок вторым градусом широты.

– Ну, это уж чересчур! – воскликнул Шандон.

– Зато совершенно справедливо. Поэтому нечего удивляться тому, что, находясь на два градуса севернее, «Форвард» встретил на траверсе²⁰ айсберг.

– Вы, доктор, – продолжал Шандон, – настоящий кладезь премудрости, из которого только и остается, что черпать.

– О, мой источник иссякнет гораздо скорее, чем вы думаете. Но если бы мне удалось наблюдать вблизи это интересное явление, я был бы счастливейшим из докторов.

– Могу себе представить... Джонсон, – обратился Шандон к боцману, – мне кажется, ветер начинает свежеть?

– Да, – отвечал боцман. – Но мы идем очень медленно, и вскоре течение Девисова пролива даст себя знать.

– Вы правы, Джонсон. Если мы хотим быть двадцатого апреля в виду мыса Фарвель, необходимо идти под парами, иначе нас снесет к берегам Лабрадора. Уолл, прикажите развести пары.

Приказание Шандона было исполнено; через час давление в котле было уже достаточным; паруса были убраны, и винт, вспенивая воду своими лопастями, помчал бриг против северо-западного ветра.

Глава шестая

Великое полярное течение

Вскоре многочисленные стаи буревестников и тупиков – обитателей этих печальных мест – возвестили о близости Гренландии. «Форвард» быстро двигался к северу, оставляя за собой длинную полосу черного дыма.

---

¹⁹ *Брам* – первая часть составных названий предметов и приспособлений, относящихся к третьему ярусу парусного судна с прямым вооружением.

²⁰ *Траверс* – направление, перпендикулярное ходу (курсу) судна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.